

Глеб Иванович Успенский

Земной рай

Глеб Успенский

Земной рай

«Public Domain»

1868

Успенский Г. И.

Земной рай / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1868

«В числе знакомых Нади было, между прочим, семейство Печкиных. С этим семейством Надя познакомилась, во-первых, потому, что Софья Васильевна, жена Печкина, оказалась подругою ее детства, а во-вторых, потому, что сваха, уже начавшая свои посещения, отозвалась о Печкиных почти с благоговением.— Пройди ты всю подвселенную, нигде ты этого рая земного не сыщешь!.. — говорила она Наде...»

© Успенский Г. И., 1868

© Public Domain, 1868

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Глеб Иванович Успенский

Земной рай

1

В числе знакомых Нади было, между прочим, семейство Печкиных. С этим семейством Надя познакомилась, во-первых, потому, что Софья Васильевна, жена Печкина, оказалась подругою ее детства, а во-вторых, потому, что сваха, уже начавшая свои посещения, отозвалась о Печкиных почти с благоговением.

– Пройди ты всю подвселенную, нигде ты этого рая земного не сыщешь!.. – говорила она Наде. – Софья-то Васильевна – вот как ты же сирота, еще голей тебя была, а теперь глядь-кось!.. Ровно принцесса живет... Да что ей! Ни о чем заботушки нету, живет за мужем, ровно за каменной горой, даром что за не очень-то молодого выскочила...

В словах свахи скрывалась тайная цель сосредоточить внимание Нади на пожилom телеграфисте с рыжими волосами и с полупольским выговором. Но Надю главным образом интересовало видеть подругу, с которой она не видалась с тех пор, когда еще маленькими девочками они катались на санках, и которая теперь живет в земном раю; да и скука, требовавшая чего-нибудь нового, кроме бормотаний Михаила Ивановича о грабежах, тоже в достаточной степени помогла скорейшему посещению земного рая. Михаил Иванович, знавший Печкина как посетителя трифоновской лавки, взялся ее проводить туда.

Узенький переулочек, где был рай, приветствовал наших путников, помимо пустынности и тишины летнего полдня, длинными заборами, тянувшимися по одной стороне его, и несколькими домами, смотревшими в эти заборы с другой стороны; наглухо захлопнутые и мертво молчаливые ворота дома Печкиных, с своей стороны, прибавили некоторую дозу тяжести к тому тяжелому впечатлению, которое производил переулочек. Но скука Нади, жаждавшая какого-нибудь исхода, сумела перетолковать эту смерть, носившуюся по переулочку и веявшую от ворот, в смысле плотной ограды, окружающей более спокойную, нежели ее, жизнь.

Помощью веревки, протянутой через забор к колокольчику, из недр рая были извлечены предварительно несколько собак, оскаленные, захлебывающиеся рыла которых внезапно появились в десятках не замеченных до сих пор дыр: в заборах, в подворотнях, на вершине заборов и проч. Стараниями Михаила Ивановича и кухарки, отворившей ворота, полчища, охранявшие райские двери, были разогнаны.

– Дома барыня? – спросила Надя кухарку.

– Где им быть... Стал-быть, дома...

– Что она делает?

– Что ей делать? Почивают, поди, либо так...

– Делать ей нечего, обнаковенно! – подбавил Михаил Иванович.

– Обнаковенно! – согласилась кухарка: – Делов у них нету никаких. Чего ей еще?

Говоря так, она между тем с большими усилиями отнимала от двери сеней довольно толстую палку, которою двери эти были приперты, и когда палка была брошена на землю, кухарка прибавила:

– Ишь вогнал как, насилушки одолела...

– Кто это? – сделав шаг в сени, не могла не спросить Надя.

– Да это наш... барин!.. – улыбаясь, отвечала кухарка. – Бережет ее... чтоб не было ей беспокойства... Тоже боится, не ушла бы!..

– Как не ушла?

– Да так ему взбрело: не ушла бы, мол!.. А куда ей уйти-то?.. Коли бы у нее дело... а то... куда ей?.. Ей и так некуда... Никакой заботы нету, ровно царица...

Михаил Иваныч не упустил случая поддакнуть при словах кухарки «кабы дело». Но Надя сначала посмотрела на них на обоих и, словно задумавшись, тихо пошла вдоль пустынных сеней. Шаги ее сделались еще тише, как будто даже боязливее, когда тяжелая дверь, обитая войлоком, ввела ее в переднюю, в которой, кроме темноты, со всех сторон пахнул на нее спертый, тяжелый воздух с запахом сырой гнили. Наде хотелось кашлянуть. Но тишина остановила ее от этого. Та же тишина и тот же воздух преследовали ее в двух-трех комнатах, по которым она шла вслед за кухаркой и где декорация рая состояла из продавленных стульев, пыли на пошатнувшихся столах, зеркала с каким-то рисунком вверху рамы, картин, вроде схимника, посещаемого Александром благословенным, зеленых стор, пожелтевших снизу и в десять раз уменьшавших то количество света, которое за минуту ощущала Надя на улице. Словно туча вдруг нанеслась на ясное небо, когда она вошла в этот рай, и она совершенно испугалась, вместо того, чтобы обрадоваться, когда кухарка вдруг довольно громко произнесла:

– Вот они... Пожалуйте... Почивали!

На широкой кровати с измятой периной и множеством толстых подушек восседало какое-то растрепанное существо с развязавшейся косой, спутанными на лбу волосами и необыкновенно испуганными глазами. Из-под желтой, покрытой пятнами блузы, с распахнутым у горла разрезом, высовывались ноги, из которых на одной чулок спускался почти до полу, а на другой его не было совсем; королевна или принцесса, словом – обительница земного рая, упиралась руками в перину, что вместе с сонным выражением глаз напоминало человека, над которым внезапно раздался выстрел. При виде этого существа Надя остановилась в некотором изумлении, и в комнате некоторое время царствовала бы мертвая тишина, если бы не залегший во время сна нос королевны, который прорезывал эту тишину разнотонными отрывистыми звуками.

– Соня... Сонечка! – с робостью начала Надя; но прежде, нежели ей удалось расшатавать это райское спокойствие, ей нужно было не робким, но усиленно громким голосом повторить, что «помнишь ли... Надя!.. Я – Надя Черемухина... На санках-то...» Нужно было также потрогивать Софью Васильевну за плечо, за руку... Но когда Софья Васильевна, наконец, поняла, в чем дело, и несколько раз поцеловалась с Надей, крепко ее обнимавшей, испуг ее с внезапной быстротой заменился слезами, которые хлынули целым потоком, как вода на прорвавшейся плотине...

Лицо и тело Софьи Васильевны, продолжавшей сидеть на кровати, как-то вдруг осели, раздались в стороны, сделались шире, и по всей их ширине бушевал поток рыдающего трепета.

Надя глядела на это трепещущее и рыдающее существо, слушала ее захлебывающиеся слова: «Надя!.. милая... Надя!» – и вдруг ей стало досадно. Во всем этом не чувлось ею даже и того ничтожного интереса и смысла, которые все-таки были в захолустье, где жила Надя. Эта досада, уменьшавшаяся по мере того, как слезы начали мало-помалу пересыхать на распухшем и покрасневшем лице Софьи Васильевны, вдруг была еще более усилена появлением нового лица. Среди новых всхлипываний Софьи Васильевны донесся из передней крикливый, рассерженный, но старческий и дребезжащий голос ее супруга.

– Кто такой? Ты что? Что такое? Это что? Что это такое?.. – бормотал он, натываясь на растворенные двери крыльца, на валяющуюся палку и с изумлением встречая в передней фигуру Михаила Иваныча.

– Что ты? Что ты орешь? – донесся до Нади не менее негодующий ответ Михаила Иваныча, который не мог относиться к Печкину равнодушно, зная его мнения по трифоновским беседам. – С барышней пришел, что орешь-то?.. Хапнуть не дали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.